

УДК 81.0

ББК 81

ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА В СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ КОНТИНУУМЕ

МИНКИН Л.М.

Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды

В статье рассматривается эмерджентный подход к анализу лингвистических явлений, а также языковые и речевые формы презентации концептов.

Ключевые слова: концепт, языковые и речевые формы, эмерджентный подход.

The article deals with the emergent approach to the analysis of linguistic phenomena as well as language and speech forms of presentation of concepts.

Key words: concept, language and speech forms, emergent approach.

Концепт эмерджентности (эволюции, возникновения, появления нового) приобрел научный статус в конце XX и начале XXI веков и получил широкое распространение как метатеория в физике, биологии, медицине и других областях науки [11, р. 3].

Метатеория эмерджентности характерна для лингвистических исследований теории систем, определения иерархии, каузации и т.п., т.е. лингвистических процессов построения языка и речи / дискурса, где возникает новое, которое, как правило, не “предсказуемо”, и целое не сводится к сумме отдельных компонентов. Эмерджентность не связана с предполагаемой запрограммированной финальной фазой каузации; эмерджентные значения сопровождают кинетическую прерывистость. Сами по себе непрерывистость (*continuité*) и прерывистость (*discontinuité*) – существенные маркеры наличия эмерджентных значений. Усложнение системной комплексности может быть объяснено как результат речевой деятельности коммуникантов.

Появление эмерджентных значений возможно на основе компонентов или высказывания, или же в самом дискурсе в специальных единицах его организации. Структура и семантика дискурса в сравнении с высказыванием представляет открытое пространство [10, р. 34]. Речевая деятельность человека креативна сама по себе, возникновение эмерджентных значений обусловлено креативной транспозицией [17, р. 46].

Цель статьи – проанализировать новые подходы к интерпретации концепта в системно-функциональном континууме.

I. Эмерджентность в лингвистических исследованиях.

Реализация эмерджентного подхода в области языка предполагает выявление его эффективности, прежде всего в области семантики, взаимодействующей с прагматикой и синтаксисом, а также в области мышления как “мотора” речевой деятельности в когниции человека (его эпистемологической деятельности).

В связи с тем, что эмерджентность не связана с поступательными развивающимися лингвистическими процессами, нет оснований рассматривать эмерджентный анализ как специальную методику; речь может идти о выявлении, регистрации и изучении нового как определенных инноваций или мутаций, которые могут быть названы эмерджентными. Последние “сопровождают” разнообразные лингвистические методики, являясь их частью [17, р. 46].

Эмерджентный подход направлен на изучение каузальных, экспликативных моментов в языке, речевой деятельности, на рассмотрение лингвистического факта в широком плане синхронии, диахронии, в отходе только от теории значения в противовес: 1) семантическому

объективизму, который предполагает, что язык, речевая деятельность представляют объективную реальность независимо от восприятия ее человеком, его оценки и т.д.; 2) а также когнитивному объективизму, позволяющему реконструировать точно объективную реальность, независимо от понимания ее человеком. Это связано с тем, что семантический и когнитивный объективизм характеризуются как финальные состояния, представляющие некую лингвистическую реальность, независимую от человека [17, р. 47]. Эмерджентный подход обеспечивает понимание механизмов, которые использует субъект речи, вкладывающий определенные смыслы в значения лингвистических единиц. Это отличает эмерджентный подход от “лингвистического номинализма”, который идентифицирует мышление человека с речевой деятельностью (интегрирующей свойства языка и речи). Идентификация языка и мышления является, по сути, “лингвистическим инструментализмом”, рассматривающим речь (речевую деятельность) как простую передачу содержания мышления, которое ей предшествует. В этом случае лингвистика в самом общем виде сводится к выражению концептов или их предлингвистических презентаций [там же, р. 48]. С позиций эмерджентности речь (речевая деятельность) представляет совокупность когнитивных ресурсов (интеллектуальных, праксисных и др.) в распоряжении человека. Не отрицая очевидного факта, что некоторые ментальные категории проявляются в виде новых значений преимущественно в речи, эмерджентный подход, в принципе, не предполагает возникновения нового в когнитивности человека. Речевая деятельность вовлекает предлингвистическую когнитивность в каузацию в соответствии с общей интенцией субъекта коммуникации. Индивидуальные когнитивные категории не являются инвариантными во времени и пространстве.

Когнитивная семантика во многих случаях становится эмерджентной, поскольку в ней отражается опыт человека, модель его опыта вне зависимости от любого объективизма. Изменения в значении лингвистических единиц обусловлены не только самим наличием знаков в дискурсе, но также нашим восприятием, нашим анализом ситуаций, всем ходом нашего речевого поведения. Речевой акт (единица речевой деятельности) ориентирован на коммуникацию. Он является результатом каузации от предлингвистических категорий к лингвистическим значениям, которые из лексико-морфологических превращаются в речи в синтактико-дискурсивные означаемые лингвистических знаков. При субъективизации в высказывании ассоциированные лингвистические знаки не являются семантически объективизирующими, разве что в философской и логической интерпретации [17, р. 48–49].

Естественно возникает вопрос о семантической преемственности в ходе каузации: содержания концепта, сигнификативного значения лингвистического знака, его смысловых варианты в речи [6, с. 108]. Контекст семантического перехода от концепта к лингвистическому знаку в языковой системе с перспективой функционирования в дискурсе, представляет основу теории лингвистического ментализма Г. Гийома. Референтом ментального кинетизма является соответствующее оперативное время [7, р. 98–105].

Подводя итог, отметим, что эмерджентный подход характеризует изменения при индивидуальном использовании лингвистических знаков и связанных с этим соответствующих преобразований синтактико-дискурсивного плана, обусловленных индивидуальным и коллективным опытом коммуникантов и являющихся конвенциональными построениями, собственными современным дискурсивным практикам.

II. Интерпретация концепта в системно-функциональном континууме.

В статье, опубликованной в 2004 году [6, с. 168], мы отмечали, что в связи с двойственностью объекта лингвистики (языка и речи) и соответственно с разграничением языковых и речевых значений, двухуровневая теория значения, принятая в когнитивистике многими учеными [8, с. 92] может быть переформулирована как трехуровневая: концептуального, языкового и речевого планов. Концептуальное и языковое значения являются виртуальными, речевое – актуализированным. Для характеристики содержания лингвистического знака как единицы

языковой системы используется понятие значимости и значения, в речи слово имеет только значение. Объем значения в языке и речи неравнозначен, в языке – это сигнификативное значение, в речи – комплекс сигнификативного и денотативного значений.

Развивая идею трехуровневого значения, уточним статус концептуального значения как долингвистического понятия, которое воплощается в языке как единице системы и в функциональном плане – в речи.

В данной части статьи рассматривается, каким образом концепты “упакованы” в языковые формы. Подобный подход переносит изучение концептов в системно-функциональный план языка и позволяет преодолеть осмысление концептов только в плане семантического и когнитивного объективизма, о которых уже шла речь, а также уточнить, предполагает ли тождество когнитивных процессов с процессами некогнитивными, имеющих связь с мозгом. Мы разделяем точку зрения о том, что ментальный уровень не “вписан” в нейронный, оба уровня синтезируются в едином субстрате из двух составляющих [5, с. 167; 7, с. 106].

Важным этапом для осмысления превращения концепта в значение единицы языковой системы является открытый Г. Гийомом фундаментальный когнитивный механизм движения мысли в направлении единичного и всеобщего. “[...] Языковое сознание обязано своей потенцией тому, что способно обобщать и индивидуализировать. Если лишить его такой двойной способности, которая составляет единое бинарное целое (внутреннее бинарное целое), то человеческое сознание потеряет силу и дееспособность” [4, с. 119].

На концептуальном (предлингвистическом) уровне чистой когниции, когда “мышление, взятое само по себе, подобно туманности, где ничто не разграничено обязательным образом” [2, с. 92], выделенное понятие при операции лексигенеза движется от общего к частному, затем от частного к общему, к морфогенезу – категориальной характеристике понятия как части речи [16, р. 11]. Операция лексигенеза – это концептуализация опыта человека, образующего субстанцию универсума, которая является объектом его восприятия. Кинетизм мышления между двумя универсумами (вне-меня и во-мне) – фундаментальный механизм речи (речевой деятельности) [18, р. 116]. Конструктивная функция языковой системы – это когниция в форме отношения человека к универсуму. Такое отношение по своей природе рекурсивно, ментальная деятельность продолжается и сопровождается референтной функцией. Не универсум организует язык, а мышление самоорганизуется языком, который создает универсум (во-мне) для своей собственной организации. При этом автономное мышление (беспорядок) поддерживает порядок в системе языка. Языковая система (в параметре вне-меня) – это социально обусловленная организация, ее индивидуальная репрезентация. В этом случае семантический и когнитивный объективизм предстает как некая застывшая характеристика концепта, вне отношения (в широком смысле) к нему человека. Значение слова в языке, его инвариант находит объяснение в когниции в том смысле, что оно стабилизируется в языковой системе, репрезентируя коллективную ментальность. Ментальные презентации образуют системные значения [13, р. 75]. Ментальные представления, которые мы строим в соответствии с результатами нашего опыта, какими бы не были они объективными в научной области, содержат субъективные элементы аффективности и др., соотносящиеся с опытом человека и направленностью его речи. Понятийное содержание концепта (как предлингвистической единицы) шире в сравнении с первоначальным опытом, более обобщенно, чем семантика знака. Значение знака, будучи концептуальным, выражает ментальное представление, референтное определенной области опыта человека. Кроме наличия различных субъективных компонентов в концептуальном содержании знака, его коллективный специализированный характер обусловлен тем, что знак вписывается в культурную, концептуальную систему, а также в систему лингвистическую, которая детерминирует форму и значение знака.

В языковой системе значение знака отличается от того, что называют значимостью. “Когда говорят о значимости слова, то, прежде всего, думают о его свойстве репрезентировать понятие – это действительно один из аспектов языковой значимости” [9, с. 146]. Ф. де Соссюр отмечает так же, что значением является то, что покрывает форма знака [там же]. При определении значимости Ф. де Соссюр оперирует, с одной стороны, отношением соответствия формы и содержания (по вертикали) в одном знаке, которое, по определению, является в системе стабильным, с другой стороны, отношением соответствия между знаками (по горизонтали). В последнем случае речь идет именно о значимости. Таким образом, значение и значимость – разные конфигурации отношений знаков и их составляющих в организации семиотической системы языка. “Говорить о системе – значит говорить о расположении и соответствии частей в структуре, доминирующей над своими элементами и обуславливающей их” [2, с. 95]. “Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще главным образом значимостью [9, с. 148]”, [...] значимость доминирует над значением [...], значение относится к сфере речи [...], а значимость – к языку [1, с. 140–141]. Вместе с тем, “значимость, взятая в своем концептуальном значении, есть, конечно, элемент значения [9, с. 146]”. “Принцип подчинения значения значимости [...] может рассматриваться как ядро соссюровского переворота в языкознании [...]. Именно этот принцип тесно связан с представлением о языке как системе, открывающей возможности создания общей теории языка [...]” [1, с. 141]. Развитие представлений об имманентном мире значений и миром их манифестаций нашло продолжение у Г. Гийома, который разграничивает значение знака в языке и речи следующим образом:

La langue – plan de puissance [parole de puissance – idée de parole]

Le discours – plan d’effet [parole d’effet].

Такое разграничение потенциальных и актуализированных (концептуальных вариантов) значений позволяет расширить понятие значимости Ф. де Соссюра. Основанием для этого является интеграция языка и речи в речевой деятельности [9, с. 38–39], постулирование общего системно-функционального континуума языка и речи [12, р. 248], а также инвариантно-вариантные отношения в пространстве язык-речь. В самом общем смысле подобное толкование значимости объясняется антропологическим подходом к языку.

Подчинение значения значимости не только в языке, но и в речи на основе прежде всего пермиссивных свойств системы проиллюстрируем на примере “презенса индикатива”. Исторически сложилось так, что эта форма в системе французского языка объединяет две семы: настоящего и будущего времен [4, с. 186]. Это предопределяет употребление в речи презенса в плане будущего и прошедшего. Такие потенциальные транспозиционные возможности, определяемые системной значимостью при условии отсутствия в последней определяющей для формы презенса значения действия, происходящего в момент речи (наподобие английского Present Continuous Tense). Для реализации такого значения в речи/дискурсе используются наречия *en ce moment*, *maintenant*, *à présent* и специализированные адвербиальное выражение *être en train de*.

Краткий анализ возможных значений формы презенса показывает, что его системная значимость включает обобщенное синкретическое значение и потенции его конкретных реализаций в дискурсе. Неоднозначность (несоответствие) формы и содержания (например, когда форма презенса реализует значение будущего: *J’écris cette lettre demain*) является иллюстрацией постоянного доминирования значимости над значением, о чем уже шла речь.

Осмысление значимости не только в плане языковой системы, но также в проекции функционирования языковых единиц в речи, когда варьируется содержание знака при неизменности формы, расширяет представление о понятийном объеме знака.

Ф. де Соссюр, рассматривая, в частности, значимости тождественных форм в разных языках, пишет: “Славянские языки последовательно различают в глаголе два вида: совершенный вид представляет действие в его завершенности как некую точку вне всякого становления; несовершенный вид – действие в процессе совершения и на линии времени. Эти категории затрудняют француза, потому что в его языке их нет, если бы они были представлены (вне зависимости от языка), то таких бы затруднений не было. Во всех этих случаях мы находим вместо заранее данных понятий значимости, вытекающие из самой природы языка [9, с. 149]”.

Понимание значимости вне функциональной перспективы в речи в какой-то мере оправдывает критику М. Бахтиным (Волошиновым) “абстрактного объективизма” Ф. де Соссюра: “Действительной реальностью языка и речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание, и не психофизиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемого высказыванием и высказываниями. Речевое взаимодействие является, таким образом, основной реальностью языка” [3].

Противопоставление язык и речь, введенное Ф. де Соссюром, по мнению некоторых лингвистов [1, с. 144], повторяется в сфере речи в виде противопоставления система / творчество (“давление системы / свобода”), которые в нашем понимании, объединяет значимость. Такое противопоставление вполне согласуется с теорией лингвистического ментализма Г. Гийома [7, с. 98–105], его представлением каузации по линии опыт – язык – речь / дискурс, которая завершается речевым актом. В последнем полностью или частично реализуется потенциальная значимость, но иногда и эмерджентные значения, заранее не планируемые говорящим.

В рече-языковом континууме, который постулирует Г. Гийом, концепт может иметь разные вариации содержания при однозначном формальном выражении.

Системные и речевые значения представляют концептуальную комплексную структуру, которую М.Л. Онест называет “концептуальной интегрированной схемой” [17, р. 75]. При постоянном сигнификативном системном значении вариации смыслового (речевого) значения обеспечивают разные референты.

Ср. выделенные слова в нижеследующих высказываниях:

“Да матерые финансисты не все просчитали. Молодой волк оказался умнее и амбициознее их. Марк начинает двойную игру – против американцев и против своих” (Газета “2000”, 28.06.2013, с. 3).

В контексте приведенного примера сигнификативное значение существительного *волк* варьируется новым референтом (Марк), характеризующим его поведение как “хищника” в настоящее время и в перспективе.

Результаты опыта человека фиксируются и превращаются в знания, в частности, в форме комплексных ментальных репрезентаций в когнитивной лингвистической системе.

Слова в дискурсе в какой-то мере теряют свою индивидуальность, их роль не сводится только к номинации, они принимают участие в построении общего смысла дискурса. Смысл дискурса не является суммой значений слов, а представляет синтезированное содержание, каждое слово “прирастает” значениями семантики контекста; его морфологическую специфику в конечном счете определяют комбинации семантики и синтаксиса. Отметим еще раз, что системные потенции знака – его значимость вмещает значения, коррелятивные различным областям опыта человека и их понятийным референтам.

“Комплексная концептуальная интегрированная схема (поле)” не является ни абстрактной, ни минимальной, она характеризует сложившиеся отношения с другими компонентами дискурса в соответствии с опытом человека.

Подводя итоги, выделим такие положения:

1. Язык, не отражая непосредственно объективный мир, как это могло бы быть при построении “идеального языка”, передает его через субъективное, культурное, социологизированное, аксиологическое восприятие человека, обусловленное его опытом.

2. Содержание концепта как долингвистической когнитивной единицы шире содержания соответствующего лингвистического знака. Значимость включает, с одной стороны, потенциальную информацию (в виде виртуальных, системных значений), которая покрывается формой знака (“схвачена знаком”), с другой, – актуализированную информацию (возможных значений в речи).

3. Основу “интегративной концептуальной схемы (поля)” представляют в конечном итоге комбинации семантики и синтаксиса, обусловленные содержанием контекста, а также системные потенции знака.

4. Означаемое знака в языковой системе содержит информацию не столько о денотативном компоненте, сколько о субъективном (аффективную, эволютивную, функциональную, символическую и др.), которая соответствует начальному опыту и традиционно классифицируется как “коннотативная”. Эта информация в статусе сигнификативного значения используется в речи для номинации различных референтов.

Естественно, возможна репрезентация концепта вне его осмысления, оценки и т.д. человеком, но в лингвистическом плане – она более мотивирована с учетом активного антропологического начала, например, в различных жанрах дискурса через конкретизацию языковых средств, которые представляют первичный материал анализа концептосферы того или иного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арош К. Семантика и переворот, произведенный Соссюром : язык, речевая деятельность, дискурс / К. Арош, П. Анри, М. Пеше // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М. : ОАО ИГ “Прогресс”, 1999. – С. 137–157.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Эмиль Бенвенист – М. : Прогресс, 1974. – 445 с.
3. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов // Анализ дискурса на стыке лингвистических и гуманитарных наук : вечное недоразумение // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М. : ОАО ИГ “Прогресс”, 1999. – С. 184–196.
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Гюстав Гийом ; [общ. ред. посл. и коммен. Л.М. Скрелиной]. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 224 с.
5. Марголис Дж. Личность и сознание / Джон Марголис – М. : Прогресс, 1986. – 419 с.
6. Минкин Л.М. К проблеме соотношения мышления языка и речи / Л.М. Минкин, С.А. Моисеева // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – Х., 2004. – № 635. – С. 103–109.
7. Минкин Л.М. Теория лингвистического ментализма Г. Гийома и вопросы нейролингвистики / Л.М. Минкин // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія Філологія : [зб. наук. пр.] / [гол. ред. А.В. Корольова]. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2012. – Т. 15. – № 2. – С. 98–110.
8. Современная американская лингвистика : фундаментальные направления. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 480 с.
9. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр. – М. : Прогресс, 1947. – 695 с.
10. Adam J.-M. Le modèle émergentiste en linguistique textuelle / J.-M. Adam // L'information grammaticale. – 2012. – № 134. – P. 30–37.
11. Badiou-Monferran C. Présentation / C. Badiou-Monferran, J. Ducos // L'information grammaticale. – 2012. – № 134. – P. 3–7.

12. Boone A. Dictionnaire terminologique de la systime du langage / A. Boone, A. Joly. – P. : l'Harmattan, 1986. – 443 p.
13. Honeste M.-L. Entre ressemblance et différence : synonymie et cognition / M.-L. Honeste // Le français moderne. – 2007. – № 1. – P. 160–172.
14. Honeste M.-L. La théorie des shémas conceptuels intégrés : un prolongement de la théorie guillaumienne? / Marie-Luce Honeste // Langue française. – 2005. – P. 68–83.
15. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1948–1949. Série C. – Québec : Les Presses de l'université Laval, 1973. – 256 p.
16. Moignet G. Systématique de la langue française / Gérard Moignet. – P. : éd. Klincksieck, 1981. – 341 p.
17. Nyckees V. Deux aspects de l'émergence en sémantique. La théorie médiationniste des significations et le modèle continuiste du changement du sens / V. Nyckees // L'information grammaticale. – 2012. – № 134. – P. 45–51.
18. Valette M. Linguistiques énonciatives et cognitives françaises / Valette Mathieu. – P. : Honoré Champion éditeur, 2006. – 316 p.

Дата надходження до редакції 28.11.2014